

Челинцева М.Н.

Рецензия на книгу: Sini F. Sua
cuique civitati religio. Religione e
diritto pubblico in Roma antica.
Torino, 2001. XVI. 356 p.

[Stable URL: <http://elar.uniylar.ac.ru/jspui/handle/123456789/3172>]

[Публикация работы:]

Челинцева М.Н. 2002: Рецензия на книгу: Sini F. Sua cuique civitati religio. Religione e diritto pubblico in Roma antica. Torino, 2001. XVI. 356 p. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 2 (10), 287-294.

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ
ЦЕНТР АНТИКОВЕДЕНИЯ

ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
ЯРОСЛАВЛЬ, РОССИЯ

THE SCIENTIFIC & EDUCATIONAL
CENTRE FOR CLASSICAL STUDIES
AT YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY
YAROSLAVL, RUSSIA

DAS WISSENSCHAFTLICHEN FORSCHUNGS- UND
STUDIENZENTRUM FÜR DIE GESCHICHTE,
KULTUR UND RECHT DER ANTIKE
DER STAATLICHEN DEMIDOW-UNIVERSITÄT YAROSLAWL
YAROSLAWL, RUSSLAND

РОССИЙСКАЯ АССОЦИАЦИЯ АНТИКОВЕДОВ
RUSSIAN SOCIETY OF CLASSICAL STUDIES

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ И ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ФОНД
«ЦЕНТР ИЗУЧЕНИЯ РИМСКОГО ПРАВА»
ЯРОСЛАВСКИЙ ФИЛИАЛ
THE RESEARCH AND EDUCATIONAL FOUNDATION
“THE CENTRE FOR ROMAN LAW STUDIES”
YAROSLAVL BRANCH

ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. П.Г. ДЕМИДОВА
YAROSLAVL DEMIDOV STATE UNIVERSITY

М. Н. ЧЕЛИНЦЕВА*

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: SINI F.
SUA CUIQUE CIVITATI RELIGIO.
RELIGIONE E DIRITTO PUBBLICO
IN ROMA ANTICA. TORINO,
2001. XVI. 356 p.

Книга Ф. Сини, профессора Юридического факультета Университета г. Сассари (Италия), специалиста в области римской религии и публичного права, объединяет пять исследований, посвященных рассмотрению важных аспектов проблематики религии и публичного права Древнего Рима.

Книга состоит из предисловия (с. XI–XVI) и пяти глав:

I. *Sua cuique civitati religio*. Универсализм и «терпимость» в римской религии.

II. Традиция жреческих документов: священные книги и комментарии основных жреческих коллегий.

III. Правовые и ритуальные аспекты римской религии: жертвоприношения, жертвы и толкования жрецов.

IV. Отрицание и язык предписаний римских жрецов.

V. Толкователи права (*iuris interpretes*) на тему о неприкосновенности трибуна.

В конце (с. 323–352) прилагаются указатели источников и авторов.

В первой главе проводится углубленное исследование отношений между римской религией и религиями других народов – современников римлян (*religiones peregrinae et externae*). Автор ставит задачу выявить юридическую и теологическую основу универсализма и «терпимости» – отличительных черт римской религии по сравнению с другими религиями древности.

В религиозной истории Римской империи играли значительную роль чужеземные боги, в частности так называемые восточные или мистические культы, некоторые из которых (культ Кибелы, Юпитера Долихена, Исида и Сераписа, Митры и др.) были необычайно популярны, несмотря на их значительные отличия от традиционных культов римской политеистической религии. Эти культы обычно сохраняли явные черты сходства с исходными религиями; их обслуживали профессиональные жрецы, содержавшиеся общинами верующих; нацелены они были скорее на достижение благополучия тела и души отдельного верующего.

Автор подчеркивает, что единственным религиозным принципом, признававшимся и соблюдавшимся римлянами и большей частью других политических образований античного мира, был политеистический и мультирелигиозный принцип. Для народов, не веривших в существование единого бога, не было ложных богов. Списки известных божеств постоянно обновлялись с включением в них новых богов. И хотя не все боги других народов считались в равной степени могущественными (это зависело от политического веса почитавшего их народа), все они равным образом считались истинными. Таким образом, римская политеистическая религия совершенно не знала прозелитизма и нетерпимости. Этим объясняется и поведение римлян в отношении чужеземных религий во время завоевательных походов периода Империи: они не разрушали храмы и не подвергали осуждению поклонение богам покоренных народов: религия предписывала почитать их соответствующим образом, тем самым обращая и их могущество на благо *imperium* римского народа.

* Челинцева Мария Никитична – соискатель Института всеобщей истории РАН, преподаватель итальянского языка исторического факультета МГУ.

Римские теологи и создатели божественного права (*ius divinum*) – римские жрецы – усматривали нерушимую причинно-следственную связь между религией (*religio*), с одной стороны, и всеми значительными проявлениями жизни и истории своего народа, его удачами и ростом *civitas* – с другой. По мнению древних, это было не только знаком благосклонности богов, но и признанием особо внимательного отношения римлян к религии, в котором они намного превосходили все другие народы (см. *Cic. De nat. deor.* II. 8; III. 5). Основными разделами религии, по Цицерону, являлись жертвоприношения (*sacra*) и гадания (*auspicia*), которые следовало считать первоосновами (*fundamenta*) римского государства, ибо «без милости бессмертных богов, заслуженной высшим благочестием»¹, было бы невозможно объяснить ни могущество, достигнутое римским народом в ходе истории, ни «всемирную» протяженность *imperium* римского народа. Именно осознание основополагающей роли религии в жизни римской общины представляло характерную особенность латинской историографии (см. *Sallust. Cat.* 12. 1–5, где римский историк сокрушается об упадке нравов в его время и противопоставляет своим современникам пример предков, «религиознейших смертных»²). Тит Ливий, в свою очередь (V. 52. 2; 51. 4–5), неоднократно высказывает убеждение, что история Рима является неопровержимым доказательством того, что «все хорошее происходило от смирения перед богами»³. Для него благочестие (*pietas*) и верность (*fides*) являются основными элементами божественного признания *imperium* римлян⁴.

Наконец, Тертуллиан, выступая в своей полемике в защиту дела христиан (*causa Christianorum* – *Apolog.* 25. 1–2), стремится доказать несостоятельность самой теологической и правовой основы римской полиитеистической религии, того самого представления, согласно которому римляне были возвышены до господства над миром только в силу своей величайшей набожности (*pro merito religionis diligentissimae*), поскольку боги предоставляют наибольшее могущество тем народам, которые их почитают более других.

Долгое время исследования римской религии находились под влиянием ошибочного, по мнению автора, тезиса (высказанного Т. Моммзенем⁵) о перманентном состоянии вражды между народами и отсутствии юридических прав для чужеземцев как изначальных условиях отношений между людьми, из чего вытекало, что древние считали войну (а не мир) естественным положением в «международных» отношениях. С этими мотивами переплетается либеральная концепция «свободы древних», которая отрицала наличие индивидуальной свободы в религиозно-правовых системах греко-римского мира⁶. Религиозными ограничениями объяснял естественную враждебность и отсутствие индивидуальной свободы и такой тонкий историк, как Н. Д. Фюстель де Куланж, сумевший разглядеть основополагающую роль религии в древних институтах. В своей главной работе⁷ он доказывает, что исключение чужеземца из правовой сферы определялось на основе религиозных различий и что именно в преимущественно религиозном характере античной общинной организации коренилось отрицание индивидуальной свободы граждан.

Рассуждая о разделении на право «божественное» и «человеческое», Рудольф фон Йеринг в своем знаменитом труде «Дух римского права»⁸ подчеркивал изначальный характер антитезы *fas* – *ius*, хотя он оговаривал, что это разделение носило скорее теоретический характер. Его позиция оказала значительное влияние на последующую историографию, в которой возобладал тезис о том, что типично римской чертой и причиной

¹ *Cic. De nat. deor.* III. 5: *Sine summa placatione deorum immortalium.*

² *Sallust. Cat.* 12. 1–5: *Nostris maiores, religiosissimi mortales.*

³ *Liv. V. 51. 5: Omnia prospera evenisse sequentibus deos.*

⁴ *Liv. XLIV. 1. 9–11: Faver enim pietati fideique deos, per quae populus Romanus ad tantum fastigii venerit.*

⁵ *Mommsen Th. Disegno del diritto pubblico romano / Trad. di P. Bonfante. Rist. an. dell'ed. 1943. Milano, 1973.*

⁶ *Constant B. De la liberté des anciens comparée à celle des modernes // Id. Oeuvres politiques. P., 1874 P. 258 sq.*

⁷ *Fustel de Coulanges N. D. La cité antique. Étude sur le culte, le droit, les institutions de la Grèce et de Rome. P., 1864. P. 230.*

⁸ *Jhering R. von. Geist der römischen Rechts auf den verschiedenen Stufen seiner Entwicklung, I (1852).*

успехов римской цивилизации было более раннее, чем у других народов, отделение религии от права. Наиболее четко в теоретическом плане выразил этот тезис Фриц Шульц, предложив теорию изоляции (*Isolierung*)⁹. Основной заслугой римской юриспруденции было, по его мнению, выделение и ограничение правовой сферы и превращение правового устройства в автономную систему. Подобным образом, по мнению Шульца, были разделены уже в начале республиканской эпохи области сакрального и светского права. Затем последовало «еще более важное» отделение публичного права от частного. Согласно Шульцу, и в рамках частного права проводилось дальнейшее разграничение, поскольку римская республиканская и классическая юриспруденция рассматривали частное право преимущественно с точки зрения города Рима; за рамками оставалось право peregrinorum, действовавшее в обширных частях Римской империи. В своей критике данной позиции автор разделяет точку зрения Марио Пьятелли¹⁰, что отделение юридической сферы от религиозной приводит к неизбежному искажению и, следовательно, к невозможности понимания нами действительности римского мировоззрения. К тому же подобная концепция подразумевает, что юридический характер нормы составляет объективно выявляемую черту и что мораль, религия и нравы (*mores*) являются неюридическими нормативными устройствами. Тем не менее теория Шульца о разделении между религией и правом имела много последователей в романистической историографии (Макс Казер, Карло Джоффриди, Франц Виакер).

По мнению автора, для понимания сущности римской политеистической религии оказываются совершенно неприменимыми такие современные понятия, как «естественная враждебность», «индивидуальная свобода», «изоляция», «обмирщение»; нельзя считать методологически корректным использование в качестве параметров исследования таких категорий, как «терпимость» или «нетерпимость», хотя в последних работах утверждается почти единодушно, что римская религия была в целом религией толерантной. На деле скорее всего теологическое (и юридическое) понятие «божий мир» (*пax deorum*) служило гарантией «религиозной свободы»: поскольку необходимо было обеспечить каждому божеству право на собственный культ, тем самым узаконивалось право индивида на поклонение божеству в соответствии со своей совестью и в тех формах, которые представлялись тому необходимыми. Ф. Сини подчеркивает, что благодаря этому особому понятию в римской политеистической религии смогли сосуществовать как партикуляристские культовые потребности римского народа (т. е. связанные с определенными моментами времени и местами), так и универалистские устремления жреческой теологии и божественного права. В античных источниках можно найти неоспоримые свидетельства того, что эти черты были присущи римской религии начиная с самой ранней стадии. Достаточно вспомнить о сосуществовании культов божеств исконно местных и божеств-перегринов, представленном в исторической памяти римских жрецов как изначальный факт, а также о религиозной реформе Нумы Помпилия (*Liv.* 1. 20. 6). Необходимость постоянной религиозной открытости звонке тесно связана с римским понятием *пax deorum*. Этим объясняются как тщательный контроль коллегии понтификов за точным обозначением имен богов (*nomina deorum*), так и ритуальная предосторожность молитвенных формул, разработанных римскими жрецами, которые предписывали верующим обращаться всегда ко всей совокупности божеств, без особого выделения кого-либо, после произнесения инвокации к конкретным божествам, которым была посвящена данная церемония (*Serv. in Verg. Georg.* 1. 21). Тем не менее этот потенциальный универсализм «латинской терпимости», по мнению автора, был недостаточно хорошо понят историками религии; в частности, Жан Байе считал его проявлением не столько благожелательности, сколько предосторожности и выгоды¹¹.

⁹ Shutz F. Prinzipien des römischen Rechts. München, 1934.

¹⁰ Piatelli M. Una ricerca su *ritus* in epoca arcaica // Studi in onore di Giuseppe Grosso, Torino, 1974. VI. P. 236 ss.

¹¹ Bayet J. La religion romaine. Histoire politique et psychologique. P., 1957. P. 57.

Теологическое и культовое значение римской интерпретации (*interpretatio Romana*) и процедуру ее проведения изучал Ж.-Л. Жирар¹². По мнению Ф. Сини, французский историк убедительно доказал, что именно интерпретация позволяла римским жрецам сочетать абсолютную верность отечественной религии с потенциально неограниченной открытостью в отношении иноземных культов. Автор анализирует исследование и Р. Блока¹³, который заключил, что столь значительное распространение интерпретаций составляло базу и теологическое обоснование религиозной терпимости римлян. На основании глоссы Феста *Peregrina sacra* (*Fest.* P. 268 L) М. ван Дорен¹⁴ предложил спорный тезис о тесной связи между этой категорией священнодействий и обрядом эвокации: только посредством этого обряда, по его мнению, осуществлялось включение священнодействий, адресованных божествам-пегринам, в официальный культ публичных священнодействий.

В основе римской интерпретации лежал «космический» и «политический» смысл религии, который передавался, по Байе, понятиями «божий мир» и религия. Стремление к расширению сферы богов и, следовательно, человеческих отношений до бесконечности было врожденной чертой римского политеизма. На всем протяжении своего исторического развития римская религия характеризуется постоянным стремлением интегрировать «чуждое» (человеческое или божественное): от божеств соседей до божеств врагов, постепенно расширяющимися концентрическими кругами, потенциально охватывающими все земное пространство и, следовательно, весь человеческий род. Этот процесс интеграции происходит параллельно с распространением всемирной империи и понятия *humanitas*, которому способствовала в значительной степени и римская религия.

Непреодолимой границей для римской терпимости были суеверия (*superstitiones*). Для римлянина суеверием была всякая религия, вызывавшая чрезмерный страх перед богами, порождавшая сильные эмоции (*morbus animi*) и в которой верующие собирались для справления обрядов частным образом или ночью. Из всей совокупности античных свидетельств автор извлекает интересные данные о семантике этого понятия и ее изменении во времени. Слово это, первоначально сходное с *religio*, постепенно начинает обозначать *religio iniusta*, т. е. религию, не признанную и не регламентированную божественным правом. Автор приводит пример подавления вакхических культов в Италии (186 г. до н. э.), хорошо известного по изложению Тита Ливия (XXXIX. 8–18) и сохранившемуся тексту сенатусконсульта. Почитатели культа были обвинены в преступном заговоре (*coniuratio impia*), направленном на разрушение государства, и приговорены к смерти; культ же Вакха отменен не был, он лишь подвергся регламентации в плане его отправления и числа участников. Впрочем, отмечает автор, полное запрещение даже чуждого культа оказалось бы в прямом противоречии с самими принципами римской религии. Поэтому римское право, подавляющее суеверия, не содержит правовых запретов на персональное поклонение какому-либо божеству.

В антихристианской полемике римские традиционалисты, ярко представленные в «Октавии» Минуция Феликса, отмечали как особенность политеистической религии и Римской империи уважительное отношение к божествам всех народов мира (*Octav.* 6. 2–3), откуда следует вывод, что римляне заслужили власть над миром, принимая культы всех народов. При подобном теологическом и правовом понимании человеческих и божественных отношений подчинение Рима богам гарантирует и узаконивает подчинение ему народов Римской империи.

Во второй главе обсуждается достоверность и значимость письменной традиции архивов основных римских жреческих коллегий. Известно, что религиозные и правовые материалы жреческих архивов (и, следовательно, лексика и понятия, выработанные

¹² Girard J.-L. *Interpretatio Romana. Questions historizues et problèmes de méthode* // *Revue d'Histoire et Philosophie Religieuses*. 1980. 60. P. 21 sq.

¹³ Bloch R. *Interpretatio* // *Id. Recherches sur les religions de l'Italie antique*. Genève, 1976. P. 26 sq.

¹⁴ Doren M. van. *Peregrina sacra. Offizielle Kultübertragungen im alten Rom* // *Historia*. 1955. 3. P. 488 u. folg.

жрецами) представляют собой наиболее аутентичные свидетельства и первые систематические проявления римской юриспруденции; они также составляют наиболее значимое и достоверное ядро латинской историографии. Автор утверждает также, опираясь на результаты некоторых своих предыдущих исследований, что жреческие документы следует рассматривать как инструмент, необходимый для комплексного пересмотра римской «политической» организации, начиная с нового определения публичного права в незататистском (государственническом) ключе. Использование подобных документов позволяет, наконец, преодолеть непригодность современных правовых категорий для полного отображения наиболее значительных черт «религиозно-правовой системы» римлян.

В письменной традиции жреческих коллегий, по мнению автора, можно выявить две взаимодополняющие тенденции. С одной стороны, наблюдается довольно строгий формализм (выражающийся в стремлении сохранить первоначальный, или считающийся таковым, текст) в отношении древнейших гимнов и песнопений (*Quint. Instit. orat. I. 6. 39–41*). В этом отношении автор разделяет интерпретацию ритуального традиционализма древних обществ, предложенную Фюстелем де Куланжем, согласно которой наивысшим проявлением набожности было возможно более верно следовать формулам и религиозным обрядам, установленным предками, независимо от изменений, происходивших в религиозных взглядах или народном воображении. С другой стороны, жрецы, тщательно и скрупулезно регистрируя все значительные акты своей повседневной деятельности, тем самым осуществляли лингвистическое обновление текстов, касавшихся ритуальных правил и форм отправления культа. Так, из поколения в поколение, в жреческих архивах скопились многочисленные документы – по большей части состоявшие из *decreta* и *responsa*, – которые, подвергаясь периодическому пересмотру и систематизации, практически полностью дошли до жрецов-юристов и антикваров последних двух веков республиканской эпохи¹⁵, которые извлекали из них базовые элементы для создания своих произведений о родах права (божественное, публичное, частное – *divinum, publicum, privatum*), религии (т. е. культе богов – *id est cultu deorum*) и древностях «римского народа квиритов».

Наиболее важным для возможности полноценного применения сведений, полученных благодаря анализу этих источников, автор считает решение вопроса о степени достоверности тех материалов, в которых приводятся жреческие документы, иными словами, об установлении некоей «иерархии», позволяющей оценить древние свидетельства в зависимости от их внутренних характеристик. Для этого достаточно, по мнению автора, убедиться в общей достоверности антикварной и анналистической традиции, цитирующей более древние религиозно-правовые источники. Это, однако, не освобождает от необходимости оценивать в каждом случае достоверность каждого текста, поскольку необходимо учитывать глубокое различие между сведениями, сообщаемыми древним автором о древнейших религиозно-правовых институтах, и предлагаемым им толкованием этих сведений. Автор полагает, что возможность приобретения уверенности в отношении различия между жреческими книгами и комментариями неразрывно связана с последовательной постановкой этой методологической проблемы. Установление «иерархии» между различными источниками представляет собой единственную возможность получения ясной картины в первую очередь в отношении терминологических вопросов наименования различных типов жреческих документов. Следует отметить, что среди текстов, цитирующих жреческие книги и комментарии, встречаются как первичные, так и вторичные источники. К первым относятся официальные документы жреческих коллегий или их фрагменты, дошедшие напрямую; ко вторым можно отнести совокупность материалов, касающихся жреческих архивов в произведениях различного характера, написанных в период между последним веком Республики и VII в. н. э. По сравнению с первичными источниками, степень достоверности которых представляется практически однородной, источники второго типа можно разбить на четыре уровня:

¹⁵ См.: *Sini F. Documenti sacerdotali di Roma antica*. Sassari, 1983.

1) цитаты торжественных формул или иных документов несомненно жреческого происхождения; 2) сведения о жреческих коллегиях и их письменной традиции, содержащиеся в произведениях жрецов, юристов и антикваров; 3) свидетельства анналистики; 4) информация, извлеченная из других произведений литературы. Применение этой иерархии позволит, по мнению автора, устранить негативный эффект несовпадений и путаницы, имеющийся в некоторых из этих текстов.

В историографии начиная с исследований Буше-Леклерка во второй половине XIX в. утвердилась точка зрения, согласно которой часто в языке древних авторов книги и комментарии предстают как взаимозаменяющие термины. Действительно, в I в. до н. э. они имели в обиходном употреблении множественные значения, более широкие и общие по сравнению с первоначальным их смыслом. Примером этому служит семантическое развитие термина *liber* (*Isid. Orig. VI. 13*): от первоначального значения «луб» к «любой материал для письма» и, наконец, всякое письменное произведение или его законченная часть. Автор ставит вопрос: в какую эпоху можно считать завершенным этот процесс эволюции термина *liber*? Несомненно, в эпоху, предшествующую временам Варрона и Цицерона, поскольку оба автора часто используют термин *liber* в его различных и общих значениях. Однако автор считает необходимым обратить внимание на следующий момент: новые и более общие значения термина *liber*, широко распространившиеся в различных общезыковых сферах, отнюдь не привели к полному стиранию первоначального значения. Можно предположить, что эти новые значения вряд ли были легко восприняты в языковой сфере, отличавшейся ярко выраженным консерватизмом, каковой являлся религиозно-правовой лексический аппарат римских жреческих документов.

Рассмотрение терминологии официальных титулатур вспомогательного персонала жреческих коллегий по данным эпиграфики императорской эпохи подтверждает сохранение различия между различными видами документов: одни из них носили название *libri*, а другие *commentarii*. В тексте закона Ацилия о взятках (*Lex Acilia repetundarum*) термин *libri*, наряду с *tabulae* и *litterae*, использован для обозначения типологии письменных документов, выполненных в подтверждение свидетельских показаний.

В отношении значения термина *libri* в Гераклеийской таблице (*Tabula Heraclensis*), надписи, которая обычно идентифицируется с муниципальным законом Юлия (между 80 и 43 гг. до н. э.), можно предположить, что, во-первых, имелось стремление указать на особый письменный материал, во-вторых, что вероятнее всего в технико-правовом языке закона слово *libri* использовалось в специальном значении «регистров/списков». Последняя гипотеза находит подтверждение в других, значительно более поздних надписях (*CIL. II. 2. 2336 CIL. III. 3246*), где этим словом обозначены самые настоящие регистрационные книги, куда вносились сенатусконсульты и тексты обращений к императору с соответствующей резолюцией.

Иначе следует понимать значение термина *libellus* в одном фрагменте актов арвальских братьев (*CIL. I. 1. 104. 31–38*). Свидетельство источника жреческого происхождения, согласно которому старинная формула гимна арвальских братьев сохранялась *in libellis* (т. е. в *libri* малого формата) в архиве этой коллегии, является весомым подтверждением того факта, что жреческими коллегиями собирались и сохранялись тексты торжественных формул, молитв и правил исполнения обрядов, а также важным указанием на официальное наименование этих сборников.

Некоторые фрагменты речи Цицерона «О своем доме» (1. 39), в которых говорится об архиве коллегии понтификов, служат подтверждением данных, полученных из эпиграфических свидетельств деятельности коллегии арвальских братьев. Среди возражений Цицерона, стремившегося показать неправомерность действий молодого понтифика Пинария Натты по освящению пространства, на котором находился дом Цицерона, есть и такое: освящение было выполнено с несоблюдением ритуала, поскольку жрец действовал без книг (*sine libris*), которые, по мнению автора, как раз и содержали торжественные формулы и описание процедуры *dedicatio-consecratio*. Из текста речи (*Cic. De domo. 33*) можно выявить (или реконструировать), какие материалы из архива понтификов заключались в книгах: религия, божественные дела, церемонии, священнодействия.

Комментарии же упоминаются в другом абзаце произведения (136) как документы, содержащие записи из сборников *responso* понтификов. Свидетельства Цицерона подтверждают существование в рамках жреческих коллегий утвердившейся документальной традиции и привычной практики использования архивных материалов при выполнении религиозных и юридических функций каждой из коллегий. Из контекста речи явствует также, что римлянам позднереспубликанской эпохи для уверенности в правильном исполнении религиозных и юридических функций, связанных с участием жрецов, представлялось необходимым, чтобы последние прибегали к помощи документов, хранившихся в их архивах.

Автор ставит вопрос, можно ли из свидетельств эпохи конца Республики выявить сведения относительно более ранних эпох и чем можно объяснить столь «основополагающий» характер письменного документа в исполнении священнодействий и церемоний, основанных в основном на жестах и декламации торжественных формул (*verba concepta*). Задача состоит в выявлении хронологических истоков этих сборников, а также в поисках теологического и культурного обоснования для выработки и сбора всех тех материалов, которые в источниках позднереспубликанской эпохи включаются в состав жреческих архивов. В отношении аргументов в пользу весьма ранней датировки начала составления жреческих сборников автор отсылает к своей работе «Жреческие документы Древнего Рима»¹⁶. В подтверждение этой хронологии предлагается рассмотреть текст гимна арвальских братьев (CIL. VI. 2104. 33–38) в эпиграфических документах этой коллегии. Архаический язык гимна, воспроизведенный в надписи, подтверждает древность использования письма римскими жрецами в ритуальных целях; эта надпись свидетельствует также о стойком сохранении архаических форм, как в культовой практике, так и в религиозной лексике.

Третья глава посвящена некоторым интерпретациям жрецов, касающимся правовых аспектов и проблем ритуала в связи с жертвоприношениями.

Жертвоприношение (*sacra facere*), центральная роль которого в культовой практике политеистической религии Древнего Рима хорошо известна, выступало как ритуальное действие, позволявшее различным римским объединениям и сообществам устанавливать, через посредство убиваемой жертвы, способ общения с божествами – адресатами жертвоприношения.

Автору представляется, что результаты исследования ясно показали тот факт, что жрецы занимали в отношении жертвоприношений двойственную позицию: с одной стороны, они полагали, что жертвенные действия являлись наиболее подходящими обрядами, чтобы обратиться на благо людям огромное могущество богов; с другой – они считали жертвоприношения необходимыми для поддержания существования самих божеств. Именно в жертвоприношении проявлялись, таким образом, те особые отношения тесной взаимности, которые ясно выражались в римском понятии *religio*. Свидетельством такого понимания римлянами жертвоприношения служит и использование глагола *mactare*, изначально означавшего «увеличивать», но получившего значение «приносить в жертву».

Юрико-теологическая доктрина римских жрецов еще с древнейших времен установила классификацию жертвоприношений: бескровное подношение плодов земли (*libamina*) или кровавое заклание живых существ (*hostiae, victimae*). Действенность последних считалась значительно большей, чем первых, так как было распространено убеждение, что жертвенная кровь особо угодна богам (и душам умерших).

Одновременно, для обеспечения всем гражданам возможности знать и правильно выполнять жертвоприношения, римские жрецы со строгой точностью зафиксировали как ритуальные правила, так и классификацию жертвенных животных, пригодных для заклания различным божествам. Впрочем, общей тенденцией было упрощение подобной классификации, так что юрист республиканской эпохи Требаций Теста, автор трактата «О религиях», утверждал, что разновидности (*genera*) жертвенных животных могут быть

¹⁶ Sini F. Documenti sacerdotali di Roma antica. Sassari, 1978.

сведены к двум: *hostiae* и *victimae*. Автор, в противовес мнению М. Таламанки и М. д'Орты, считавших это наследием этрусской религии, поддерживает точку зрения Р. Фьори, полагавшего, что данный дуализм имеет глубокие корни в понтификальном праве. Далее рассматривается классификация жертв с точки зрения возраста, цвета и т. д. животного, а также исходя из целей и порядка жертвоприношения.

Автор затрагивает также тему человеческих жертвоприношений, отмечая, что таковые, хотя и стали чрезвычайно редкими, не исчезли целиком вплоть до императорской эпохи и что признание, согласно естественному праву, общих институтов для всех одушевленных существ могло теоретически обосновывать возможность принесения в жертву людей.

Сквозь призму интерпретаций жрецов рассмотрены автором еще две проблемы, непосредственно связанные с жертвоприношением: *ver sacrum* и ритуальная чистота жертвенных животных. Торжественный обет «священной весны» (*ver sacrum*), как он засвидетельствован Титом Ливием для республиканской эпохи, объединяется, согласно автору, последовательностью интерпретаторской деятельности коллегии понтификов с проблемой определения ритуальной чистоты жертвенных животных, рассмотренной на примере *responsum* Тиберия Корункания.

Отправной точкой исследования, опубликованного в четвертой главе, служит короткий очерк Андре Магделена, в котором покойный французский ученый отмечал предпочтение, которое в жреческом языке отдавалось употреблению повелительного наклонения.

Автор выявляет причины, предопределившие необычайно частую встречаемость отрицания в языке предписаний римских жрецов.

В особенности отрицание фразы характерно для языка предписаний римских жрецов: это неопровержимое свидетельство предпочтения, которое выказывали эти древние коллегии и товарищества (*sodalitates*) в отношении религии и права, которыми предусматривалось регулирование жизни сообщества посредством точного и постоянного знания того, что для людей могло оказаться запретным перед лицом богов.

Именно в отношении этой характерной особенности жреческой латыни, формы и (частично) содержание которой нам знакомы благодаря фрагментам документов из архивов основных коллегий, автор предпринял попытку более углубленного исследования с целью выявить глубинные мотивы, предопределявшие выражение повелительных предписаний преимущественно в форме помех и запретов, а с лингвистической точки зрения связанных с употреблением отрицательных конструкций.

В пятой главе рассмотрены некоторые интерпретации римских юрисконсультов на предмет неприкосновенности плебейских трибунов и эдилов; эта весьма противоречивая тема является ключевой для понимания «разделения властей» в римской религиозно-правовой системе.

В центре рассмотрения автора оказывается текст Тита Ливия (III. 55. 6–12), в котором великий анналист комментирует, обсуждая и ее юридическое применение, одну сентенцию относительно содержания закона Валерия – Горация о трибунской власти, сделанную некими не до конца идентифицированными толкователями права, которые отрицали как законодательные основания трибунской священной неприкосновенности (*sacrosanctitas*), так и неприкосновенность плебейских эдилов.

Намеренно собранные в одной книге различные работы, объединенные областью исследования – римский политеизм и публичное право, – по признанию автора, представляют собой своего рода документальный отчет об интеллектуальном (и человеческом) пути, пройденном им за последние годы.

Книга позволяет понять некоторые принципиальные позиции автора в отношении методологии исследования римской религии: основополагающую роль религии в древних институтах; неприменимость современных религиозно-правовых понятий для понимания римской действительности; предпочтение, отдаваемое свидетельствам и терминологии древних; внимание к развитию и изменению феноменов, проявляющемуся в результате сравнительного изучения сведений источников; создание иерархии источников по степени их достоверности на основе текстуального и сравнительного анализа.

Полезной и увлекательной представляется возможность благодаря книге проследить за тщательной и внимательной работой автора над текстами источников в поисках решения поставленных задач, а также познакомиться с современным состоянием изучения темы в западной историографии, благодаря проведенному в книге критическому анализу и обширным цитатам из произведений последних лет, которые труднодоступны в нашей стране.

M. N. ČELINTSEVA

**LA RECENSIONE SUL LIBRO DI SINI F.
«SUA CUIQUE CIVITATI RELIGIO.
RELIGIONE E DIRITTO PUBBLICO IN
ROMA ANTICA». TORINO, 2001**

(RIASSUNTO)

Il libro di Francesco Sini, professore della Facoltà di Giurisprudenza dell'Università di Sassari, Italia, abbraccia cinque temi dedicati all'analisi di aspetti importanti della religione e del diritto pubblico di Roma Antica (F. Sini, *Sua cuique civitati religio. Religione e diritto pubblico in Roma antica*, [Università degli Studi di Sassari – Dipartimento di Scienze Giuridiche – Pubblicazioni del Seminario di Diritto, 13], G. Giappichelli Editore, Torino 2001, pp. XVI–356).

Nel primo capitolo viene svolto un esame approfondito dei rapporti tra la religione romana ed altri culti ad essa contemporanei; l'Autore si pone l'obiettivo di rivelare la base giuridica e teologica dell'universalismo e della «tolleranza» – tratti caratteristici della religione romana rispetto ad altre religioni dell'antichità. A questo scopo vengono poste in esame le riflessioni in materia religiosa degli autori antichi (pagani e cristiani) – Cicerone, Tito Livio, Valerio Massimo, Tertulliano ed alcuni altri. Si dà un quadro storico-critico dei giudizi in materia presenti nella storiografia su Roma antica nell'800 e '900; l'Autore ritiene inopportuno per la comprensione dell'essenza della religione politeistica romana utilizzare nozioni moderne come «ostilità naturale», «libertà individuale», «isolamento (Isolierung)», «laicizzazione» e sarebbe non corretto dal punto di vista metodologico, secondo l'Autore, applicare come parametri di ricerca categorie quali «tolleranza» e «intolleranza». L'A. collega il fatto della costante apertura della religione romana all'esterno, presente sin dalla sua fase più arcaica, al concetto religioso-giuridico di *pax deorum*, cioè al diritto di ogni divinità ad avere il proprio culto. Un altro elemento che realizza la tendenza interna del politeismo romano ad allargare all'infinito l'ambito degli Dei, e quindi delle relazioni umane, fu l'*interpretatio Romana*. Viene inoltre esaminata l'evoluzione del concetto *superstitio* che permette di delineare i limiti posti dalla religione romana alle forme e ai modi della devozione religiosa.

Nel secondo capitolo si discute l'attendibilità e l'importanza della tradizione scritta degli archivi dei grandi collegi sacerdotali romani, la testimonianza più autentica delle prime riflessioni sistematiche del diritto romano. L'A. (anche sulla base delle sue ricerche precedenti) afferma che i documenti sacerdotali vanno considerati come uno strumento necessario per la revisione complessiva dell'organizzazione «politica» romana a partire dalla ridefinizione dello *ius publicum* in chiave non statalistica. L'uso di tali documento permetterebbe di superare l'inadeguatezza delle categorie giuridiche moderne per una riflessione completa dei tratti più importanti del «sistema politico-religioso» dei romani.

Per poter applicare in modo completo ed adeguato le notizie ottenute dall'analisi di queste fonti, bisogna, secondo l'A., risolvere il problema dei gradi di attendibilità dei materiali al cui interno vengono citati i documenti sacerdotali, in altre parole, stabilire una certa «gerarchia» che permetterebbe di valutare le testimonianze degli antichi secondo le loro caratteristiche interne. Questo rappresenta l'unica possibilità di ottenere un quadro chiaro, in primo luogo per quanto riguarda le questioni terminologiche della denominazione dei vari tipi di documenti sacerdotali (*libri e commentarii*). Il compito è di rivelare le origini cronologiche di questi documenti nonché di ricercare il fondamento teologico e culturale per l'elaborazione e la raccolta di quei materiali che nelle fonti dell'epoca tardorepubblicana vengono inclusi negli archivi sacerdotali.

Il terzo capitolo è dedicato ad alcune *interpretationes* sacerdotali riguardanti gli aspetti giuridici e i problemi rituali legati ai sacrifici. L'A. ritiene che i risultati della ricerca abbiano reso evidente il fatto che i sacerdoti avevano nei riguardi dei sacrifici una duplice posizione: da un lato, essi credevano che le azioni sacrificali fossero i riti più adatti per volgere al bene degli uomini l'immensa

potenza delle divinità; dall'altro, essi consideravano i sacrifici indispensabili per mantenere l'esistenza delle divinità stesse. In tal modo nel sacrificio si rivelavano quelle relazioni di stretta interdipendenza che si esprimevano chiaramente nel concetto romano *religio*. L'A. analizza vari tipi di vittime sacrificali e le rigide regole rituali dal punto di vista della dottrina giuridico-teologica romana.

Nel quarto capitolo vengono rivelate le cause di un'alta frequenza della negazione nel linguaggio dei precetti dei sacerdoti romani. L'A. la collega alla necessità di definire e rendere chiaro quello che per gli uomini potesse risultare proibito nei confronti dei Dei; tale divieto fungeva da regolatore giuridico-religioso della comunità arcaica; nel senso linguistico esso è legato all'uso delle costruzioni negative.

Nel quinto capitolo sono esaminate alcune interpretazioni dei giureconsulti romani sul tema dell'inviolabilità dei tribuni della plebe e degli edili; questo tema, assai controverso, è essenziale per la comprensione della «divisione dei poteri» nel sistema giuridico-religioso romano.

Il libro presenta una specie di resoconto documentale del percorso intellettuale seguito dall'A. negli ultimi anni e volto all'analisi degli aspetti

significativi della religione politeista romana e del diritto pubblico di Roma; esso permette inoltre di comprendere alcune posizioni di principio dell'Autore nei confronti della metodologia della ricerca sulla religione romana: il ruolo fondamentale della religione negli istituti antichi, il carattere prevalentemente religioso dell'organizzazione sociale arcaica, l'inapplicabilità dei concetti giuridico-religiosi moderni per comprendere la realtà romana, la preferenza per le testimonianze e la terminologia degli antichi, l'attenzione all'evoluzione e al mutamento dei fenomeni risultante dall'esame comparato delle notizie delle fonti; moderazione e cautela nel problema dell'attendibilità delle fonti, creazione della gerarchia delle fonti per grado di attendibilità alla base dell'analisi testuale e comparativa.

Per il lettore sarà indubbiamente molto istruttivo seguire il lavoro accurato e minuzioso con i testi delle fonti ai fini di trovare la soluzione dei problemi concreti posti dall'A, nonché venire a conoscenza dello stato attuale della storiografia occidentale contemporanea, grazie all'esame critico svolto nel libro e ad ampie citazioni delle opere degli ultimi anni, le quali sono difficilmente accessibili nel nostro Paese.